

Очерки горной Бухары.

Гиссарскій край.

Въ верховьяхъ рѣки Кафернигана.

(Продолженіе ¹⁾).

Молодой, красивый второй сынъ эмира, Шахъ-Аюбъ-Ханъ осторожно пріотворивъ дверь заглянулъ въ комнату, но сейчасъ же, увидѣвъ гнѣвный жестъ отца, скрылся.

— Военный министръ говорилъ навѣрное съ Акъ-Шадишахомъ Императоромъ объ авганскихъ дѣлахъ. Я надѣюсь, что меня русскіе поддержать. У меня есть много преданныхъ мнѣ людей и хановъ и сердаровъ во всемъ сѣверномъ Авганистанѣ, немного успокоившись, снова заговорилъ старикъ.

— Тамъ стоитъ только явиться моему послу, какъ всѣ туркмены и авганцы станутъ на сторону своего законнаго государя.

Когда въ 1888 году мой дядя Аюбъ-Ханъ воевалъ съ англичанами, а эмиръ Абдурахманъ въ это время заболѣлъ, я легко произ-

¹⁾ См. «Восный Сборникъ», № 7.

вель возстаніе въ Балхъ и Бадахшанъ объявивъ, что Абдурахманъ-ханъ умеръ. И если бы не помѣшалъ Гулямъ-Хедаръ-Ханъ, который успѣлъ собрать войска, дѣло было бы выиграно, но тогда судьба отвратила свое лицо отъ меня...

Еще долго рассказывалъ эмиръ въ тотъ вечеръ о всѣхъ своихъ горестяхъ и неудачахъ, вызванныхъ, по его мнѣнію, происками англичанъ, все время мѣшавшихъ русскому правительству оказать ему помощь.

Сѣтованія на генераль-губернатора, военного губернатора и всю туркестанскую администрацію были его излюбленною темою, къ которой я уже достаточно привыкъ.

— Гдѣ будетъ принимать генераль Куропаткинъ всѣхъ большихъ начальниковъ? задалъ онъ вопросъ, на минуту прерывая свой рассказъ.

— Говорятъ, что на вокзалѣ желѣзной дороги, постѣшилиъ я удовлетворить его любопытство.

— На желѣзной дорогѣ—это непріятно. Я не люблю желѣзную дорогу!

— Недавно мнѣ пришлось ѣхать изъ Самарканда въ Ташкентъ, и знаете ли, на одной изъ станцій, я какъ правовѣрный, хотѣлъ сотворить намазъ.

Взявъ кувшинъ съ водою, я вышелъ изъ вагона и сталъ совершать омовеніе въ сторонѣ недалеко отъ поѣзда, но нехорошіе люди, служащіе на желѣзной дорогѣ. Они видѣли, что я еще не окончилъ своего важнаго долга, но несмотря на это, пустили поѣздъ, а мнѣ пришлось остаться на станціи одному безъ моихъ людей.

Они видѣли, что старый генераль, указалъ онъ на свои погоны, занять важнымъ дѣломъ и не подождали одну минуту....

А 1888 г. мнѣ памятенъ. Это было такое удобное время. Въдъ я былъ раньше правителемъ всего Чарвиллаэта и Бадашкана и народъ хорошо зналъ и любилъ меня. И туркмены и узбеки и авганцы всѣ одинаково были мнѣ преданы, такъ какъ знали, что я хорошій мусульманинъ, а дервиши ордена Никшебендія считали меня своимъ мюридомъ и поэтому ихъ рѣчи на всѣхъ собраніяхъ и базарахъ были за меня.

Одно было плохо, не было тогда столько денегъ, сколько нужно для содержанія моихъ войскъ. Къ счастью Аллахъ послалъ людямъ Чарвиллаэта нѣсколько лѣтъ подъ рядъ большіе урожаи и мнѣ удалось собрать съ нихъ большую подать въ свою казну.

И какъ хорошо все случилось, видно судьба мнѣ покровительствовала. Когда заболѣлъ лѣтомъ эмиръ Абдурахманъ въ Ляхманъ

и пересталъ, вслѣдствіе болѣзни, показываться людямъ, я черезъ вѣрныхъ людей пустилъ слухъ вездѣ на базарахъ, что эмиръ умираетъ а послѣ его смерти инглизы тотчасъ же займутъ Авганистанъ.

Повѣрили всѣ въ странѣ. Я собралъ свои войска, которыхъ были тысячи преданныхъ, вѣрныхъ людей, отчеканилъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ много денегъ съ моимъ именемъ. Но когда узналъ обо всемъ Абдурахманъ, онъ выслалъ противъ меня своихъ самыхъ надежныхъ сердарей: Гулямъ-Хейдаръ-хана и Абдуль-Хакимъ-хана, которые съ огромнымъ войскомъ, конницею, пѣхотою и 26 пушками, вышли изъ Баміана, а въ это же время Абдуль-ханъ двинулся изъ Бадакшана и также пошелъ на меня. Всего у нихъ было больше 40 тысячъ челоуѣкъ, но я не испугался этой большой силы и пошелъ навстрѣчу.

Въ Гейбагѣ, въ двухъ дняхъ пути отъ Балха, встрѣтились войска Абдуль-хана и Гулямъ-Хейдаръ-хана и, соединившись, образовали многочисленную армію, но моихъ войскъ было не меньше. Я насчитывалъ до 30 т. челоуѣкъ и при этомъ у меня были опытные сердары: Магометъ-Гуссейнъ-ханъ, Фазиль-Удъ-ханъ и Меджидъ-ханъ—лучшіе военачальники.

Невдалекѣ отъ Ташъ-Кургана, въ долинѣ Газни-Хакъ сошлись наши арміи. Я самъ былъ при войскахъ, а сынъ мой, Исмаиль-ханъ, въ этомъ бою за свою храбрость заслужилъ высокое званіе сердара. Два дня продолжалось сраженіе и, если бы не измѣна нѣкоторыхъ хановъ, то я бы одержалъ побѣду.

Я убилъ нѣсколько измѣнниковъ собственноручно, но это не помогло дѣлу. Люди мои сражались какъ львы. Судьба же повернулась къ намъ спиною, и войска не выдержали натиска. Армія Абдурахмана одержала побѣду, а я долженъ былъ бѣжать за Аму-Дарью, въ Бухарское ханство.

Русскій Акъ-Падишахъ великъ и онъ далъ мнѣ средства на жизнь, разрѣшивъ проживать въ городѣ Самаркандѣ.

Но жизнь моя тяжелая, ибо на сердцѣ все время печаль, а въ душѣ нѣтъ спокойствія. Я имѣю все что нужно, но развѣ такъ долженъ жить эмиръ Авганистана?

— Нельзя упускать теперь такого хорошаго случая

— А кстати, какъ одѣвается въ торжественныхъ случаяхъ русскій Императоръ? черезъ минуту началъ онъ выяснять, очевидно, вновь мелькнувшую у него какую-то мысль:

— Какъ и всегда въ военномъ мундирѣ съ погонами или эполетами полковника....

— Почему же не генерала? Это странно! Вѣдь Императоръ старше всѣхъ въ Россіи?!

Выслушавъ мое объясненіе эмиръ задумался, а затѣмъ быстро заговорилъ.

— Это правильно, но если Императоръ носить погоны полковника, то и я, авганскій эмиръ, надѣну тоже такіе же погоны.

Вы ѣдете въ Ташкентъ, привезите, очень прошу васъ, мнѣ ихъ, но непременно погоны золотые и чтобы по нимъ были бѣлыя дорожки. Я люблю бѣлое....

Надо было видѣть то нервное настроеніе въ которомъ былъ эмиръ Исаакъ-ханъ въ день пріѣзда генерала Куропаткина въ Самаркандъ.

Одѣтый какъ и всегда въ генеральскій мундиръ общегармейскаго образца въ синихъ рейтузахъ съ генеральскими лампасами и съ полковничьими погонами на плечахъ, въ неизмѣнной авганской каракулевой шапкѣ на головѣ, на которой блестяла брилліантовая звѣзда, онъ сталъ со своими двумя сыновьями на лѣвомъ флангѣ всѣхъ представлявшихся, выстроившихся длинною линіею на платформѣ Самаркандскаго вокзала.

И стоялъ невдалекѣ и поздоровавшись съ нимъ, началъ внимательно наблюдать за этою интересною группою.

Медленно подошелъ поѣздъ, изъ котораго вышелъ военный министръ въ сопровожденіи генераль-губернатора, генерала Иванова.

Сдѣлавъ общій поклонъ, генераль-адъютантъ Куропаткинъ медленно двинулся по линіи представлявшихся, задавая каждому вопросы и ласково разговаривалъ со многими старыми туркестанцами.

Задавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ онъ направился также тихо къ лѣвому флангу.

Эмиръ Исаакъ-ханъ, до котораго оставалось лишь нѣсколько шаговъ, поблѣднѣлъ и его желтовато-смуглое лицо сдѣлалось буквально сѣрымъ. Онъ нервнымъ жестомъ приложилъ руку къ головному убору и съ достоинствомъ поклонился.

— Очень радъ васъ видѣть, ханъ, въ добромъ здоровіи, раздался спокойный, ровный голосъ военнаго министра.

Эмиръ буквально впился глазами въ глаза Куропаткина и, пожавъ протянутую руку, весь превратился въ ожиданіе.

— Желая вамъ ѣсть спокойно свой хлѣбъ въ Самаркандѣ, какъ погребальный колоколъ, раздались новыя слова военнаго министра, точно опредѣлившія отношенія русскаго правительства къ его по-

ложенію, не поощрявшія какія-либо активныя выступленія эмира въ Авганистанѣ и признававшаго тѣмъ самымъ законность вступленія на престолъ авганскаго эмира, Хабибула-хана.

Выслушавъ слова переводчика, будто окаменѣвъ, долго стоялъ Исаакъ-ханъ на платформѣ, видимо подавленный слышаннымъ. Военный министръ, сдѣлавъ общій поклонъ, поѣхалъ въ городъ.

Я подошелъ къ хану и, съ помощью его сына Измаиль-хана, съ трудомъ уговорилъ его ѣхать домой.

Старикъ сердился. Хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за Куропаткинымъ. Страшно волнуясь, онъ былъ видимо возмущенъ до глубины души.

Лишь поздно вечеромъ пріѣхавшій къ нему штабъ-офицеръ изъ лицъ свиты немного успокоилъ Исаакъ-хана, высказавъ мысль о несвоевременности даннаго момента для какихъ-либо выступленій, но намекнулъ на возможность предпріятія ихъ въ будущемъ, когда создастся болѣе благоприятная политическая обстановка.

Старикъ, услышавъ это, немного повеселѣлъ.

И въ долгіе осенніе вечера, заходя къ нему въ гости, я слышалъ рассказы о его приключеніяхъ въ Авганистанѣ.

Эмиръ былъ недурной рассказчикъ и цѣлый рядъ стычекъ и сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, рисовался имъ живо и интересно.

Живя въ Старомъ городѣ, недалеко отъ Регистана, въ части, получившей названіе Авганъ-Багъ, прожилъ потомъ недолго эмиръ Исаакъ-ханъ, устроившій у себя во дворѣ особую мечеть, въ которой онъ иногда служилъ самъ въ качествѣ имама.

Проживавшіе недалеко отъ него авганцы, занимаясь различными торговыми дѣлами, собирались почти ежедневно къ нему. Рослый, вооруженный съ головы до ногъ, авганецъ постоянно стоялъ на часахъ при входѣ во дворъ эмира, при которомъ состоялъ особый, имъ учрежденный, конвой въ числѣ десяти человекъ.

Проводя цѣлые дни въ своей михманъ-хоке (гостиной), богато увѣшанной коврами и рѣдкимъ оружіемъ, здѣсь же Исаакъ-ханъ принималъ гостей и просителей, разбирая всѣ дѣла, случавшіеся между авганцами. Для веденія дѣлопроизводства у Исаакъ-хана была особая канцелярія, находившаяся въ завѣдываніи второго сына, Шахъ-Эюбъ-хана. Всѣмъ авганцамъ канцелярія выдавала удостовѣренія въ личности, какъ подданнымъ эмира Исаакъ-хана.

Почти всѣ авганцы, проживавшіе въ Бухарскомъ ханствѣ и русскихъ среднеазиатскихъ областяхъ, признавали его законнымъ своимъ эмиромъ и позднѣе, во время своей службы въ Сараѣ на Пянджѣ,

мнѣ неоднократно приходилось видѣть его людей, предъявлявшихъ мнѣ свои паспорта, которые всегда начинались словами:

«Мы, Исаакъ-ханъ, эмиръ Авганистана, выдали эту бумагу такому-то и просимъ русскихъ и бухарскихъ властей оказывать ему помощь и содѣйствіе», а внизу неизмѣнно стояла черная печать эмира Исаакъ-хана, владыки авганскихъ племенъ.

До самой смерти эмира, заѣзжая къ нему въ Самаркандъ, я всегда видѣлъ радушные пріемы, а посылая ему письма, я всегда получалъ отъ него дружескіе отвѣты, написанные цвѣтистымъ персидскимъ языкомъ.

Все время боясь за свою жизнь и опасаясь эмира Абдурахманъ-хана, который неоднократно предпринималъ мѣры къ устраненію всѣхъ претендентовъ на авганскій престолъ, Исаакъ-ханъ проводилъ время съ особо преданнымъ ему авганцемъ, Ахметъ-Ша-ханомъ исполнявшимъ обязанности завѣдывающаго дворомъ.

Постоянныя опасенія быть отравленнымъ заставляли Исаакъ-хана особенно осторожно относиться къ пищѣ, которая постоянно держалась подъ замкомъ и подававшій къ столу поваръ всегда пробовалъ въ его присутствіи все приготовленное.

Послѣ смерти Исаакъ-хана, въ 1909 году, его старшій сынъ, сердаръ Измаиль-ханъ, сталъ еще сильнѣе покучивать, а затѣмъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, по обвиненію въ отравленіи своей жены, въ чемъ ему удалось оправдаться. Рано состарившійся и разрушившій свое здоровье этотъ потомокъ авганскихъ эмировъ не обладалъ твердымъ характеромъ своего отца, превратившись въ довольно зауряднаго человѣка, хотя и гордившагося своимъ происхожденіемъ.

Предстоящее путешествіе съ авганскими выходцами обѣщало быть интереснымъ и я рассчитывалъ дорогою узнать кое-что изъ жизни Авганистана.

Глава III.

(Кишлакъ Хушонъ.—Дѣти.—Воспоминанія объ А. П. Пистолькорѣ).

Отъ кишлака Ромита дорога протянулась по теченію рѣки Сарда-и-Міона, на правой сторонѣ которой вырисовывался кишлакъ Хушонъ.

Переѣхавъ черезъ рѣку, по довольно зыбкому мосту, мы двинулись по ея правой сторонѣ.

Горы вокругъ имѣли мягкія очертанія, спускаясь къ рѣкѣ въ

видѣ пологихъ холмовъ, въ значительной своей части покрытыхъ обработанными полями.

Кое-гдѣ виднѣлись по сторонамъ небольшіе кишлячки, окруженные зарослями садовъ, въ видѣ красивыхъ куртинъ, то расположенныхъ на вершинахъ, то спускавшихся по лощинкамъ почти до самой рѣки.

Масса воды неслась съ глухимъ шумомъ по широкой рѣчной долинѣ, подходившей къ рѣкѣ, образовавшей большія отмели, покрытая водяною птицею.

Поля пшеницы и ячменя со снятымъ урожаемъ отливали золотымъ отбѣнкомъ и на нихъ чернѣли занимавшіеся молотьбою таджики.

Небольшіе заросли кустарниковъ покрывали берега рѣки, поднимаясь вверхъ по лощинамъ и давая привольныя мѣста для жизни кекликовъ и горныхъ куропатовъ, срывавшихся цѣлыми стадами при нашемъ приближеніи.

Мутная вода рѣки имѣла желтовато-коричневый цвѣтъ и лишъ кое гдѣ въ небольшихъ заводяхъ вода отстаивалась и около нихъ внизу подъ кишляками виднѣлись цѣлыя группы дѣтвора разныхъ возрастовъ, плескавшихся и игравшихъ на берегу.

Двѣ красивыя дѣвочки, расчесывая свои волосы рѣдкимъ большимъ гребнемъ, сидѣли на камняхъ, заплетая ихъ въ тонкія мелкія косы.

Блеснувъ на насъ своими живыми глазами, онѣ пугливо прижались другъ къ другу, бросая искоса взгляды, полные любопытства.

— Наши козочки, посмотри, тюра, — эти дѣвочки, дочери моего племянника, указалъ Ша на красивую группу дѣтей, какъ испуганные воробьи заметавшихся по берегу.

Онѣ постоянно проводятъ время около воды и любятъ смотрѣть на свое въ ней отраженіе.

Только наши горныя рѣки мутны, а ручьи покрыты пѣной и не даютъ возможности разсмотрѣть своего лица въ гладкой водяной поверхности.

Хотя въ этомъ сами люди виноваты. Прежде, говорятъ наши старики, были въ горахъ озера, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ можно было все видѣть. Теперь же онѣ исчезли совершенно, а еще раньше были и свѣтлые, какъ хрусталь ручьи, въ которыхъ люди могли видѣть свои лица и любоваться своею красотою, созданной по образу и подобию Всемогущаго.

Но люди сами испортили прекрасное твореніе Создателя всего.

сущаго на землѣ, положивъ своими грѣховными дѣлами печать зла и недоброжелательства на свои лица. Очень давно, когда я еще былъ не больше этихъ милыхъ козочекъ, отецъ моего отца, перешагнувшій столѣтіе жизни, рассказывалъ:

«Всемогущій, Милосердный Творецъ Міровъ, желая наполнить созданную имъ прекрасную землю живыми существами—создалъ наилучшее свое твореніе—человѣка-мужчину и женщину съ чудной красоты лицами и голубыми глазами, отражавшими въ себѣ небесный сводъ.

Лишь глубокая доброта и жалость ко всему живущему и любовь была написана на этихъ прекрасныхъ лицахъ, первыхъ людей, поселившихся въ райской долинкѣ среди гористой страны.

Но со временемъ люди впали въ грѣхъ, а затѣмъ ихъ потомки стали дѣлать еще больше грѣховъ, исказившихъ ихъ лицо невидимо для глазъ другихъ людей, такъ какъ каждое дурное дѣло клало неизгладимую черту на нихъ, вслѣдствіе чего чудесные хрустальные ручки отражали уже не красивыя лица, а злобныя, страшныя черты грѣшниковъ, а если долго смотрѣлись люди, то рѣки и озера мутнѣли, не давая отраженій.

Съ тѣхъ поръ не могутъ люди видѣть себя, хотя, говорятъ, Иблисъ натолкнулъ ихъ на грѣховную мысль сдѣлать особое стекло, которое я видѣлъ у урусовъ, и смотрясь въ него гордиться своей красотой. Мужчины на это обращаютъ мало вниманія, но зато женщины, смотрящіяся въ эти стекла, тотчасъ же попадаютъ во власть Иблиса, потому что, видя вопреки волѣ всемогущаго свое отраженіе, онѣ въ тоже время даютъ возможность посмотрѣть на себя и Иблису.

Старикъ Б. мѣстами, гдѣ было возможно, ѣхалъ рядомъ со мною. Порою начиналъ вспоминать свою службу въ Туркестанѣ, со времени его завоеванія.

— Вы, Павелъ Федоровичъ, навѣрное многихъ знали лично изъ бывшихъ дѣятелей? спросилъ я его, чтобы вызвать на разговоръ.

— Всѣхъ знавалъ, всѣ передъ моими глазами прошли. И Черняевъ, и Абрамовъ, и Кауфманъ, и Скобелева помню еще молодымъ гусаромъ-ротмистромъ. Какъ же-съ, знавалъ хорошо. Наши все, туркестанцы. А я все же вамъ доложу, что вспоминая всѣхъ, съ кѣмъ только приходилось встрѣчаться среди тогдашнихъ нашихъ лихихъ офицеровъ, я невольно больше всѣхъ вспоминаю покойнаго Александра Васильевича Пистолькорса. Можетъ быть потому, что я подъ его начальствомъ все время служилъ. Скобелевъ уже по-

томъ развернулся въ Турецкой войнѣ да въ Туркменіи. А Александръ Васильевичъ даже его учителемъ въ Туркестанѣ былъ.

— Вы слышали про него?

Къ стыду моему я долженъ былъ сознаться, что имя это мнѣ было мнѣ незнакомо.

— И не стыдно вамъ, сердито заворчалъ старикъ, вѣдь въ исторіи завоеванія Туркестана чуть не въ каждомъ дѣлѣ можно встрѣтить эту фамилію.

Георгіевскій кавалеръ, старый кавказецъ, полковникъ Александръ Васильевичъ Пистолькорсъ прибылъ въ Туркестанъ при самомъ началѣ завоеванія въ 1765 году, а затѣмъ состоялъ долгое время начальникомъ всей кавалеріи въ войнѣ съ Бухарой.

Числился онъ по Кубансеому казачьему войску. Храбрости онъ былъ удивительной и при этомъ обладалъ рѣдкимъ поразительнымъ хладнокровіемъ. Теперь ужъ нѣтъ такихъ людей.

Ростомъ почти въ сажень, грузный, полный, человекъ лѣтъ сорока пяти, онъ постоянно ходилъ въ бѣлой черкескѣ, бѣлой буркѣ и бѣлой папахѣ, да при этомъ ѣздилъ на высокой лошади бѣлой же масти.

И эта огромная бѣлая фигура съ черной длинной бородой была хорошо знакома всѣмъ бухарцамъ, также какъ его знали раньше горцы на Кавказѣ. Бывало въ самыхъ опасныхъ дѣлахъ онъ выѣзжалъ впередъ и становился на видномъ мѣстѣ. По нему откроютъ огонь чуть не залпами, летаютъ вокругъ пули, а онъ себѣ стоитъ невредимымъ.

Зато въ рукопашныхъ схваткахъ и атакахъ всегда впереди. Сколько разъ израненъ былъ и шашечными ударами и пулями, а все ничего.

Съ него потомъ Скобелевъ примѣръ взялъ тоже всегда въ бѣлое одѣваться сталъ, чтобы среди войскъ замѣтнѣе быть.

— Но для чего это Павелъ Федоровичъ? удивился я, слыша въ первый разъ объясненіе причинъ неизмѣнной приверженности къ костюму бѣлаго цвѣта, въ который одѣвался Бѣлый-генераль.

— Это понятно. Вы только вспомните, куда труднѣе всего попасть—въ середину. Если начнете стрѣлять, то въ серединѣ всегда меньше всего оказывается попавшихъ пуль. Вотъ поэтому то Александръ Васильевичъ и бывалъ всегда въ бѣломъ. Вокругъ него казаки, ординарцы толпятся—по немъ стрѣляютъ, а попадаютъ больше въ близъ стоящихъ, среди которыхъ онъ бѣлымъ пятномъ всегда выдѣляется.

А ужъ кутить любилъ по своему. Бывало подрядъ нѣсколько дней и ночей гульба идетъ, а онъ всѣхъ перепьетъ и самъ ни въ одномъ глазу, какъ будто не пилъ вовсе.

Помню я разъ. Стала молодежь спорить насчетъ того, можно привыкнуть къ свисту пуль или нельзя.

Александръ Васильевичъ слушалъ и молчалъ, а потомъ отошелъ въ сторону шаговъ на полтораста къ росшему тутъ же дереву, прибилъ къ его стволу свой носовой платокъ, да и вызываетъ нѣсколько своихъ казаковъ.

«Палите говорить въ платокъ, а я спать подъ нимъ лягу» и подложивъ подъ голову бурку, завалился, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ, облокотившись о стволъ дерева, а платокъ то надъ его головой не больше какъ на четверть съ небольшимъ прибитъ былъ.

— И что бы вы думали, разъ пятьдесятъ казаки выстрѣлили, весь платокъ изрѣшили, потомъ подходятъ къ полковнику, смотрятъ, а онъ спитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, а пули даже около самой головы оказались.

Герой былъ не теперешнимъ чета. Два георгія имѣлъ и никто ему не завидовалъ, потому что заслуженно все получилъ.

Вспоминая давно сошедшихъ съ жизненной сцены людей, старикъ оживился и хотя пришлось ему отстать, такъ какъ дорога превратилась въ узкую тропинку, я долго еще слышалъ сзади себя его голосъ, называвшій цѣлый рядъ извѣстныхъ и совершенно мнѣ неизвѣстныхъ фамилій.

Д. Логофетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

